

— Мать твою, Болдуин Барлоу! Ты зовёшь меня в группу?! Я буду играть в одной банде с грёбаным Болдуином! — вопил Тео Уилкин, едва ли не прыгая от восторга.

— Да утихомирься ты, всё так, — осадил его Болдуин со свойственным ему невозмутимым спокойствием. — Но ты хорошенько подумай, Тео. Нам нужен бас-гитарист, а не соло.

— Да какая, к чёрту, разница! — отмахнулся тот. — Басуха разве сложнее гитары? Справлюсь, вообще без вопросов!

Тут он заговорщически ухмыльнулся:

— На ней же на две струны меньше!

Болдуин не сдержал смешка, подошёл и дружески хлопнул Тео по плечу, а затем крепко, по-братски обнял.

Стоившую поодаль сцену Джеймс наблюдал с нескрываемым любопытством. Подавшись ближе к Лансу, он вполголоса спросил:

— Слушай, а этот Болдуин что, настолько крут?

— О да, — так же тихо отозвался Ланс. — Он стучал в группе XX.

— Прости, я в здешней тусовке пока не силён, — замялся Джеймс. — А эта группа XX — они были популярны?

— Почти подписали контракт со звукозаписывающим лейблом. Сам как думаешь?

— Ого... А почему тогда Болдуин сейчас...

— Да потому что в ночь после подписания их вокалист так знатно отметил сделку, что словил передоз и двинул кони прямо у себя дома. Пришлось лавочку прикрывать. Группа распалась.

— Мать твою... — только и смог выдохнуть Джеймс.

Вот уж действительно, ирония судьбы. Жизнь — чертовски непредсказуемая штука: никогда не угадаешь, где окажешься в следующую секунду — на вершине блаженства или в самом пекле.

Вертелся на языке и другой вопрос: как, чёрт возьми, такой прожжённый музыкант связался с Лансом? Но озвучить его Джеймс не успел. Тео Уилкин уже летел к ним со всех ног, так и лучась желанием познакомиться поближе. Пришлось запрянуть любопытство поглубже.

Впрочем, со временем Джеймс, парень по природе своей ужасно любопытный, всё же сумел воссоздать картину целиком. Собирая по крупицам обрывки фраз, которые роняли Ланс и Болдуин, он восстановил хронологию событий.

Тогда, после бесславного краха группы ХХ, музыканты разбрелись кто куда. Однако сам факт того, что их едва не прибрали к рукам боссы из индустрии, придал Болдуину Барлоу веса в музыкальной тусовке. Его имя было на слуху, и предложения посыпались одно за другим.

Но горький опыт научил барабанщика осторожности. Связываться со старыми граблями он не желал. Какими бы талантливыми и перспективными ни были новые кандидаты в напарники, если они вели себя как законченные подонки и прожигали жизнь, Болдуин разворачивался и уходил.

Беда в том, что на дворе стояла эпоха безумного девиза «Живи быстро, умри молодым». Подростки ловили кайф и не думали о завтрашнем дне. Найти среди них приличных, дисциплинированных ребят казалось задачей невыполнимой. Повальное большинство рокеров пускалось во все тяжкие, и если чуваки не баловались тяжёлой дурью, а ограничивались лишь косячком-другим травки, они уже считались чуть ли не святошами.

Принципиальный Болдуин быстро впал в уныние. Нормальной работы не предвиделось, и вскоре он докатился до того, что мыл тарелки в дешёвой забегаловке за гроши, лишь бы не протянуть ноги с голоду.

Будь он вокалистом или гитаристом, всегда можно было бы выйти с чехлом на перекрёсток и наскрести на пинту эля. Но судьба распорядилась иначе: Болдуин был барабанщиком. А история ещё не знала безумцев, способных в одиночку таскать за собой по улицам целую ударную установку ради пары медяков.

И вот, когда мрак сгустился окончательно, на пороге его конуры появился «паинька-отличник», перевернувший всё с ног на голову.

Чего у Ланса Уинфилда было не отнять, так это невероятно обманчивой, почти ангельской внешности. Стоило напрочь забыть о его несносном характере — и перед вами предстал херувим: копна шелковистых угольно-чёрных волос, точёные черты лица, длинные бархатные ресницы, прикрывающие глубокие, полные невысказанной грусти синие глаза, и тонкие губы, напоминающие лепестки дикой розы. Этим невинным обликом Ланс пользовался как заправский шулер, мгновенно создавая атмосферу абсолютного доверия.

Подперев подбородок ладонью, он расписывал удивлённому барабанщику свои великие музыкальные амбиции, клялся, что никогда не скатится в саморазрушение, и обещал держать будущих коллег по банде в ежовых рукавицах ради общего триумфа. Говорил он чертовски убедительно.

Конечно, умом Болдуин понимал: все эти громкие словечки про «вечную верность идеалам» — детские сказки. И всё же дрогнул. Сдался.

Каково же было его изумление, когда после удара по рукам выяснилось: этот проныра его нагло надул! Во всём грёбаном бэнде состояли ровно два человека — сам Ланс и обманутый им Болдуин!

Но Ланс и бровью не повёл, снисходительно бросив:

— Да ладно тебе, зато людей наберём с нуля. Прикинь, какая лафа! Никаких проблем с притиркой характеров. Ты у нас у истоков стоишь, отцы-основатели, сечёшь? Будем лично отсеивать всякий сброд и оставим только тех, кто нам по душе.

Ну... в общем-то, логично? Бедолага Болдуин, которому так изящно запудрили мозги, даже умудрился найти в этом рациональное зерно.

Джеймс, размотав этот клубок лжи, мог лишь покачать головой.

"Да это же чистой воды мошенничество!"

Но Болдуин словно подцепил какую-то заразу. Возможно, ему просто не хотелось признавать себя дураком, возможно, он действительно верил в их затею, а может — перед лицом Ланса просто невозможно было устоять... Как бы там ни было, он усердно занимался самовнушением. Парень твердил себе, что никто его не разводил, что он пошёл за Лансом исключительно из-за его гениального таланта, и они — родственные души, встретившие друг друга на тернистом пути к славе.

А дальше покатило по наклонной.

Сначала на огонёк заглянул наивный Джеймс, готовый расшибиться в лепёшку ради общего дела. Следом Болдуин сосватал в банду Тео Уилкина, главным козырем которого, помимо басухи, был просторный отцовский гараж.

Схема напоминала типичную финансовую пирамиду: одного заманили сказками, другого привели силой, третий, будучи сам облапошенным, затянул приятеля... А на самой вершине этой пищевой цепочки восседал великий комбинатор — Ланс Уинфилд, благосклонно взирая на свои владения с лёгкой, едва заметной полуулыбкой.

Слов просто не находилось.

Но как бы то ни было, приход Тео стал переломным моментом. Команда наконец обрела очертания. Новоиспечённый бэнд, не откладывая дело в долгий ящик, без зазрения совести оккупировал полузаброшенный гараж Уилкиных. Туда стащили все имеющиеся инструменты, усилители и прочий хлам. Пора было приниматься за дело. Первая репетиция не заставила себя ждать.

С погодой в тот день не задалось.

Впрочем, когда это в Англии бывало иначе? Свинцовое небо, плотные облака и ни единого намёка на солнце. В гараже гулял пронизывающий сквозняк. Парни натянули на себя всё самое тёплое, что нашлось в шкафах, но зубы всё равно отбивали чечётку.

К холоду примешивалась растерянность. Первый блин всегда комом — никто толком не понимал, с какого бока подступиться к репетиции.

И вновь бразды правления взял в свои руки Ланс.

Действуя уверенно и властно, он превратил убогую ледяную коробку гаража в воображаемые подмостки. Разогнал всех по местам, а после устроил индивидуальный разбор полётов для каждого: кому как держать ритм, где вступать и как звучать в унисон.

Джеймс слушал его, затаив дыхание.

Что поделать — двоечники испокон веков трепетали перед отличниками. Джимми, хоть и никогда бы в этом не признался вслух, втайне боготворил людей умных, схватывающих всё на лету и заслуживших благосклонность учителей. Ланс для него высился недостижимой вершиной.

Джеймс ума не мог приложить, как устроена голова этого парня. К примеру, те же уроки правописания — сущий ад, по которому Джимми за всю жизнь не получил ни одной приличной оценки. Для него буквы в учебнике сливались в безумный хоровод, устраивая в черепной коробке круглосуточную дикую дискотеку с чечёткой. Постоянный, непрекращающийся стук каблуков — тук-тук-тук, тук-тук-тук! — от которого хотелось лезть на стену. Читать это было выше его сил.

А Ланс умудрялся проглотить целый том за каких-то сорок пять минут!

"Ну почему мир так несправедлив?" — тоскливо думал Джеймс.

Ковыряться в моторах определённо было проще. Ну и петь, пожалуй. Это у него выходило само собой.

Так или иначе, репетиция началась.

Выглядело это уморительно. Будто школьный хор на первой распевке: кто-то фальшивит, кто-то запаздывает, кто-то поёт вообще свою песню. Группа наступала на те же грабли. Сыгаться с ходу — задача из разряда фантастики.

Ланс к тому времени управлялся с шестиструнной вполне сносно, но вот подстраиваться под чужой темп ещё не научился. Сбившись пару раз на простейших аккордах, он мгновенно помрачнел. Парень скрыл досаду за маской ледяного безразличия, однако кончики его ушей предательски вспыхнули пунцовым. Для упёртого Козерога — перфекциониста до мозга костей, требовательного к окружающим, но в стократ сильнее карающего за промахи самого себя, — подобный лажа-эффект был сродни публичной пощёчине.

Единственным, кто держал марку, оказался Болдуин. Опыт выступлений давал о себе знать: к провалам дебютантов он относился философски. Сосредоточенно хмурясь, он мерно вбивал ритм, пытаясь собрать рассыпающуюся композицию воедино и вытащить улетевшую в тартарары тональность.

Увы, один в поле не воин. Когда лажают абсолютно все, даже гениальный ударник бессилен.

Ну и, наконец, наш новоиспечённый басист.

Помнится, Тео раньше играл на соло? Так вот, парень он был, бесспорно, харизматичный. Извивался всем телом, тряс хаером так, что длинные пряди летали во все стороны, выдавал классического рокера с обложки журнала... Вот только весь этот пафос не мог скрыть суровую правду жизни: как басист Тео пока умел лишь уныло бряцать по струнам, исторгая из инструмента невнятный, глухой гул.

В те минуты пацанов пробирала дрожь не только от сквозняков. На душе у них стало так же зябко и беспросветно, как на затянутых тучами лондонских улицах.

И только Джеймсу было всё нипочём!

Его не волновала общая лажа. Зажмурившись от удовольствия, он всецело отдавался процессу: выводил рулады с таким надрывом и страстью, что умудрялся своим зычным голосом перекрывать весь этот какофонический кошмар. Джимми упрямо тянул песню, не пропустив ни единого слова, от первой строчки до последней.

Собственно, не будь он столь настойчив, этот импровизированный балаган заглох бы ещё на первых секундах.

Но раз уж вокалист надрывает связки, бросать его посреди боя как-то не по-пацански. Знаете, это как в уличной драке: если уж вписались толпой, то стойте до конца, даже когда вам знатно чистят морду. Чисто из солидарности нельзя бросить этого придурка одного под софитами.

Вот они и терзали инструменты, извлекая зубодробительный скрежет, пока не смолк последний аккорд.

Кода!

Джеймс распахнул глаза. С шиком развернувшись к парням, он облизал пересохшие губы и победно вскинул оба больших пальца. В его изумрудных глазах плескался чистейший, незамутнённый восторг напололам с самолюбованием.

— Боже, до чего же я хорош!

— Чего?! — Ланс в крайнем изумлении вскинул голову. — Чувак, да ты вообще ни в одну ноту не попал!

<http://bllate.org/book/19389/1950828>